

всего лишь шестьдесят шесть лет! Недаром молодое поколение Аргентины видит в Рауле своего наставника и... чуть ли не ровесника. В каждой из книг — будь это «Пороховой гимн», почти целиком посвященный подвигу советского народа в Великой Отечественной войне (четверть века назад в Буэнос-Айресе Рауль, вручая том автору этих строк, надписал: «Советский Союз — имя Надежды»), будь это «Первая аргентинская песнь» или «Осенняя соната в Москве», «Все люди земли — братья» или «Флюгер и антенна» — поэт служит своему времени, как служит народу. Он как-то заявил: «Меня не интересует само

по себе это деликатное, а иногда тяжелое ремесло поэта: в наше время для меня не имеет большого смысла поэзия без борьбы за то, чтобы изменить жизнь». «Диалогом человека со своим временем» назвал он одно свое произведение — а ведь именно таким воспринимается все его творчество. Отдаваясь своему большому и важному труду — находясь на передовой, — он не считается с годами, со здоровьем (в стихотворении «Старый поэт» — из сборника «Флюгер и антенна» — автором сказано: «...он молодеет, когда умирает осень»). И его влекут уже новые замыслы.

ЮРИЙ ДАШКЕВИЧ

ПОСЛЕ ПЕРЕОЦЕНКИ ЦЕННОСТЕЙ

(Гость редакции — Гюнтер де Бройн)

де Вруун. Де Бруун, де Брюин, де Бройн... Споры начинаются уже по поводу имени автора: по-русски — как написать его, по-немецки — как произносить (на этот счет нет единого мнения даже в семье писателя, получившего свою фамилию от голландских предков и называющего себя де Бройном). Что уж говорить о его романе «Бурдиданов осел»!.. Хотя, казалось бы, о чем там спорить? Сколько их в мировой литературе, этих «треугольников», этих влюбляющихся в своих молоденьких подчиненных отцов семейств, носящихся с мыслью начать с новой (молодой!) женой новую жизнь, в которой «все будет по-другому» (хотя и «старая» была построена по собственной воле, на любви и течет вполне благополучно и в полном благоденствии, по им же самим заведенному порядку), и в последнюю минуту (ну, не совсем в последнюю, не «без пяти двенадцать», а немного позже, скажем, пять минут первого, все же успев немного насладиться этой новой жизнью и сумев слегка поломать жизнь своей возлюбленной, сцена прощания с которой могла бы надорвать душу, если бы в завершение мы вдруг не увидели, как герой провожает «в добровольное изгнание» свою несостоявшуюся мечту: «С кровоточащим сердцем! С кровоте-

чащим сердцем, с которого свалился камень») возвращающихся к привычному очагу... И тем не менее споров, горячих дискуссий — и на страницах газет и журналов, и во время бесчисленных встреч автора с читателями — было предостаточно. Это неудивительно: уж очень важные моральные и социальные проблемы ставит автор, о многих острых и сложных вопросах современной жизни, жизни социалистического общества, заставляет он задуматься; умным и точным пером, с любовью и без прикрас воссоздает он жизнь в сегодняшней ГДР (иной раз и с прелюбопытнейшими экскурсами в прошлое); и делает он это в такой изящной, слегка иронической манере...

Эта легкая, никогда не звучащая резко ироничность в соединении с необычайно привлекательной мягкостью отличает и характер самого автора, Гюнтера де Бройна. Он, правда, любит больше слушать, чем говорить, и его во все времена года загорелое лицо и то и дело мелькающие в глазах лукаво-иронические блики показывают, какой внимательный и активный слушатель перед вами. Он органически деликатен, его благожелательное, искреннее отношение к людям, его интерес к собеседнику не наигранны: он именно таков, без

всякого усилия над собой. При этом он начисто лишен «прекраснодушия», его никак не назовешь добреньким. Он не только обладает тонким чувством юмора, он умеет быть вполне отчетливым в своих суждениях и оценках. Перечитайте роман «Бурдано осел» — и вы почувствуете, что за кажущейся снисходительностью писателя кроется определенная и твердая нравственная позиция.

Споры о его романе еще не утихли, они продолжаются и сейчас. И сейчас еще автор получает огромное количество писем («Большинство писем от женщин», — уточняет он). За три года роман выдержал пять изданий в ГДР, дважды — в журнале «Иностранная литература» (1969, № 11 и 12) и отдельным изданием — вышел он в Советском Союзе, опубликован в ФРГ, скоро будет издан в Польше, в Болгарии, в Венгрии и Румынии; Ростокский театр (один из лучших в Германской Демократической Республике) готовит инсценировку по книге. Но для автора она уже «пройденный этап», он весь в заботах о том, чтобы новая книга была «не хуже» предыдущей. О чем же она, эта новая книга? — спросили Гюнтера де Бройна.

— О счастливом браке, — ответил он.

— Но ведь утопические романы — вовсе не ваша стихия! — возразил ему кто-то, кого в свою очередь некий пессимист обозвал оптимистом, поскольку он отваживается считать, будто у брака все же есть будущее.

Итак, новый роман будет опять о браке, о жизни семьи. Так ли уж часто встречаются в жизни счастливые браки и настолько ли необходимо об этом так много писать? Во время встречи в редакции эта тема вызвала много шуток. Кто-то привел данные из английской печати, что в последнее время все большее число мужчин — причем чаще всего это так называемые «идеальные мужья» — убегает от своих жен, называлась даже цифра: 80 000 (неизвестно только, за какой период). Шутки шутками, но ведь известно, что семья — маленькая, первичная ячейка общества.

— Ни с каким другим институтом, — поясняет Г. де Бройн, — людям не приходится так постоянно и непосредственно сталкиваться, как с браком, нигде общественные условия не сказываются с такой отчетливостью и устаревшие отношения между людьми не сохраняются так долго, как в браке. Меня интересует будущее брака. Являются ли беды, столь часто связанные с браком, признаком распада или же признаком прорыва в новые сферы человеческих отношений?

— Почему вы пишете о браке, а не о любви самой по себе?

— Когда я пишу о браке, я, само собой разумеется, пишу и о любви. С тех пор как у любящих на пути друг к другу не

стоят больше труднопреодолимые препятствия, брак ведь в общем и целом и есть та форма отношений, где любовь и должна проявить свою состоятельность, где и возникают конфликты. Вот и новый роман, задуманный как повествование о счастливом браке, по мере претворения замысла претерпел некоторую метаморфозу.

— Когда вы предполагаете закончить роман? — спросили мы у писателя.

— Собственно говоря, — отвечает Г. де Бройн, — он уже был закончен, но в прошлом году я его прочитал и сам забраковал, — начал заново переписывать. В некотором отношении этот роман близок к «Бурданову ослу»: здесь тоже речь идет о повседневной жизни. Действие происходит в среде литераторов. В центре — муж, жена и 17-летняя дочь, их как будто счастливая жизнь. Но в один прекрасный день всем троим приходится произвести определенную переоценку ценностей. Роман называется (во всяком случае — пока) «Присуждение премии за книгу (плохую ли, хорошую)» — автор выдает премию тому из членов семьи, который предлагает наилучшее решение создавшейся сложной ситуации.

— Чем кончается роман?

— Тем, что упомянутый прекрасный день кончается и наступает вечер... Я не умею рассказывать содержание собственных книг. Прошу меня извинить. Мне еще и потому трудно говорить о новой работе, что, как человеку другого поколения, мне необыкновенно сложно перевоплотиться в образ 17-летней девушки. Третью попытку делаю, но не уверен, что она последняя, — это в сказках благие дела обязательно удаются с третьего захода.

Трудности такого перевоплощения тем более понятны, что юность поколения, к которому принадлежит 45-летний Гюнтер де Бройн, протекала в условиях фашистского режима; этому поколению пришлось решительно и бескомпромиссно пересмотреть все идейные и моральные ценности, какими их пичкали в детстве, какие преподносила им национал-социалистская школа и юношеские организации третьего рейха. И не только пересмотреть и отказаться от прошлых взглядов. Надо было еще отыскать иную нравственную позицию, иные духовные ценности. Г. де Бройн обрел эту позицию — он один из тех писателей ГДР, кто напряженно ищет в человеческой душе качества, совершенно необходимые строителям подлинно нового общества. Вот почему ему никак не удастся осуществить свою лелеемую в часы досуга мечту о том, чтобы «писать исторические романы», — его неотвратимо тянет к тому, что происходит сегодня, здесь, сейчас. И вот почему он снова и снова обращается к современности, пишет — и не может не писать — о дне сегодняшнем.

Е. КАЦЕВА